

Чжан Хуа уже было отошел, но развернул коня и, не выказывая ни капли раздражения, произнес:

— Она не мертва.

Ван Цянь, стиснув зубы, отбил тяжелой медной палицей стальной клинок и проревел:

— Яд подействовал, она мертва!

Чэнь Лян выпустил еще одну стрелу, целясь в открывшуюся в просвете между людьми шею Чжан Хуа. Раздался звон — наконечник ударился о загревок, и Чжан Хуа подался вперед от силы удара, но сама стрела бессильно упала на землю. Мягкий доспех, который носил Чжан Хуа, был изготовлен на заказ по просьбе Фан Дицзи — он закрывал всё, кроме лица.

Выпрямившись, Чжан Хуа остался прежним: нефритовое лицо его не выражало ни радости, ни печали. Взгляд, такой же ясный и участливый, как всегда, устремился на Ван Цяня из-под шлема.

— Позови ее обратно, мне нужно с ней поговорить, — негромко сказал он.

Ван Цянь, извернувшись, сбил с ног очередного нападавшего и закричал:

— Она мертва! Клянусь!

Чжан Хуа чуть улыбнулся. Его улыбка была подобна легкому ветерку, проносящемуся над полем цветущих трав — такая же мягкая и дурманящая. Взглянув на Ван Цяня, он вынул из-за пазухи три золотых жетона и, не торопясь, произнес:

— Если бы она действительно была мертва, император не стал бы слать три золотых жетона подряд, принуждая меня прекратить поход и вернуться ко двору. — Он добавил, казалось, совершенно равнодушно: — Двадцать лет мы были вместе, но я и не подозревал, что она и император настолько близки.

Еще одна отравленная стрела ударила в доспех. Чэнь Лян лишь проклинал про себя мать за то, что та сделала доспехи такими прочными: ведь военачальники редко попадают под обстрел, к чему было делать их такими надежными?

Ван Цянь продолжал сражаться:

— Император знает, что моя мать мертва?

— Нет, ты опять меня не слушаешь, — с досадой улыбнулся Чжан Хуа и слегка покачал головой. — Она отправила весть императору через тайных стражей, сообщив, что я преследую ее и что она тяжело ранена. Император в ярости прислал три жетона, требуя, чтобы я бросил всё и вернулся в столицу держать ответ. Я знаю, что она не умрет.

Видя его невозмутимость, Ван Цянь едва не лишился рассудка. Издав яростный вопль, он бросился прямо на Чжан Хуа.

Телохранители могли позволить себе сдерживать натиск, давая ему шанс на побег, но ни в коем случае не могли допустить, чтобы он подобрался к Чжан Хуа и убил его. Ван Цянь с силой взмахнул палицей, оттесняя стражников, а затем метнул ее прямо в голову Чжан Хуа.

В тот же миг Чэнь Лян выпустил три стрелы, которые одна за другой полетели в затылок Чжан Хуа.

Чжан Хуа одной рукой легко и небрежно поймал медную палицу и бросил ее подоспевшему стражнику:

— Это вещь моей супруги, берегите ее. — Он вздохнул: — Ван Цянь, я с детства был с ней. Мы вместе были бандитами, мошенниками, разбойниками, а потом пошли на военную службу. За двадцать лет невозможно было не обучиться боевым искусствам.

Чжан Хуа откинулся назад в седле, и три стрелы пролетели над его головой. Все уже поняли, что стрелы отравлены, и прикрылись щитами. Ван Цянь, лишившись оружия, был схвачен.

Чжан Хуа подобрал стрелу, вонзившуюся в щит, и подъехал к Ван Цяню, чьи руки были заломлены за спину. С тем же светлым и сострадательным выражением лица, с той же ослепительной красотой, он погладил Ван Цяня по голове и слегка полоснул его отравленной стрелой по щеке — так, чтобы выступила кровь.

Затем, обернувшись к Чэнь Ляну, он высоко поднял стрелу и сломал древко толщиной с палочку для еды пополам.

— Чэнь Ляна не хватать, — улыбнулся Чжан Хуа с чистотой небожителя. — Он сам скажет супруге, что я хочу ее видеть.

Чэнь Лян не стал искать Фан Дицзи и не пытался больше убить Чжан Хуа. Он просто растворился в толпе, став самым обычным прохожим.

Наступила ночь. Чжан Хуа приказал разбить лагерь, разжечь костры и накормить лошадей, планируя утром продолжить путь. Втайне он отправил десять отрядов по двадцать человек на поиски Чжан Хуа и Фан Дицзи.

Он переоделся в белые шелковые одежды, надел шапочку ученого и сапоги из оленьей кожи, усевшись в золотом кресле в главной палатке.

Хотя он уже был в зрелых годах, его облик сохранял юношескую чистоту. Черные как смоль волосы, брови, подобные далеким горам, глаза — осенние воды, прямой нос и алые губы. Кожа бела как нефрит, движения элегантны. В белых одеждах он казался воплощением

благородства.

Фан Дицзи, хоть и была прославленной женщиной-воином, вызывала у окружающих лишь уважение своей доблестью, но по сравнению с ним казалась грубой и вульгарной. Она была земной героиней, он же — небожителем, холодным, отстраненным и безупречно чистым.

Однако внешность обманчива. Фан Дицзи, хоть и вышла из низов, никогда не причиняла зла тем, кто был к ней добр, и не вонзала нож в спину тем, кто ей доверял. Она была готова отдать жизнь за братьев по оружию, была верным товарищем и надежным другом.

Своих высот Фан Дицзи достигла не только благодаря уму, но и благодаря характеру. Она была искренней, верной слову, ценила чувства. Для воинов и разбойников Чжан Хуа был далеким небожителем, а она — настоящим, живым предводителем. В отличие от подозрительного Чжан Хуа, она доверяла людям. Каждый, кто говорил с ней, чувствовал уважение. В ее войске не было места несправедливости — она была строга лишь в наградах и наказаниях.

Она умела ухаживать за конями, варить отличное вино, а при грабежах оставляла людям деньги на жизнь. Фан Дицзи не любила убивать, не стремилась к славе или богатству. Она любила дружбу.

— Донесение! Золотой жетон! — раздался снаружи крик, вырвавший Чжан Хуа из раздумий.

— Войти, — Чжан Хуа держал в руках зеленое платье, вглядываясь в пятна крови на нем. — Император снова прислал жетон?

— Так точно, — ответил вошедший офицер. — Император приказывает вам немедленно вернуться в столицу с войсками.

Чжан Хуа продолжал рассматривать платье, вдыхая запах крови. Про себя он подумал: Какая хитрая супруга, сговорила с императором. Вы вдвоем держите императора в руках и управляете двором. Это не страшно, но ты...

Офицер, видя молчание, поторопил его:

— Господин, что нам делать?

Чжан Хуа невозмутимо стер пятно крови с ткани, на его лице появилась легкая улыбка. Он поднял голову и ответил с таким доверием, что у офицера не возникло сомнений:

— Я напишу ответное прошение, вы можете быть свободны.

Снаружи раздался гневный голос:

— Ты напишешь прошение? А я могу быть свободен?

Полог палатки распахнулся, и вошел человек в величественном одеянии с изображением солнца, луны и гор. Его лицо было суровым, взгляд пронзительным. Чжан Хуа отложил платье и склонился в поклоне:

— Фан Ло приветствует моего господина.

Императору было не до придворного этикета. Он схватил Чжан Хуа за воротник и приподнял:

— Ты посмел убить Дицзи?

Чжан Хуа оставался спокоен:

— Позвольте объяснить. Ее ранил не я, а ее приемный сын. Чэнь Лян и другие похитили ее, пытаясь предать страну. Я преследовал их, чтобы спасти ее, а не убить.

Император отпустил его:

— Доказательства?

— Мои чувства к ней — доказательство, — твердо ответил Чжан Хуа. — Похитители переоделись, чтобы скрыть следы, а мою супругу подменили самозванкой.

— Ха, — холодно усмехнулся император. — Ошибка в том, что личность Дицзи могла быть раскрыта только перед твоей смертью... Все, что я знаю, прислали мои тайные агенты. Ты даже не знаешь, как с ними связаться.

Чжан Хуа впервые проявил признаки беспокойства:

— Она обучала для вас тайных агентов?

— Это мое дело, — император огляделся. — Твоих людей здесь немало, я в безопасности?

— Вы — владыка Поднебесной, я не смею посягать на вашу жизнь.

— Фан Ло, ты знаешь закон? Содержание более двухсот слуг — преступление. У тебя же три тысячи. Это не просто разбойники, верно?

— Виноват, — ответил Чжан Хуа. — Это воины моей супруги.

— Верно, у Дицзи три тысячи личных воинов, это разрешено мной. Но я не разрешал тебе под предлогом мести за нее убивать сыновей моих верных подданных.

Император посмотрел на зеленое платье, узнав в нем дворцовый наряд, который Дицзи

надевала, когда приходила к императрице. Он увидел разрез на плече — след от клинка.

— Если Дицзи жива, ты отправишься в изгнание. Если мертва — я позволю тебе уйти из жизни с почестями.

Чжан Хуа поднял голову, не веря своим ушам. Император бросил к его ногам сломанную стрелу.

Чжан Хуа, всегда безупречный, нахмурился:

— Только из-за того, что она сестра герцога Вэй, вы готовы казнить меня за ее ранение?

Император в ярости ударил по столу:

— Дицзи заслужила это, она спасла меня, она сделала тебя премьер-министром!

— Вы всегда хотели отдать этот пост герцогу Вэй! — возразил Чжан Хуа.

— Если бы не они, меня бы здесь не было! — воскликнул император и вдруг осекся, сев обратно в кресло.

Чжан Хуа вспомнил прошлое: как они вместе преодолевали опасности, как делились едой. Тогда он убеждал чиновников служить императору, а Фан Дицзи часто исчезала, выполняя тайные поручения.

— В гареме есть таинственный начальник стражи, который никогда не показывает лица. Это Фан Дицзи?

— Нет, — вздохнул император. — Это старый мастер, которому она помогла. Она отдала все свое состояние, чтобы набрать внутреннюю стражу. Она занималась всем: от порядка в гареме до командования войсками, взявшими шестнадцать городов.

— Почему вы так доверяете ей?

— А почему я должен не доверять? Они — моя опора. Я верю и тебе, и ей. Если она убила тебя — я отомщу за тебя. Если ты ее — я отомщу за нее.

Чжан Хуа опустил голову.

— Она жива? — спросил император.

— Не знаю.

Император поднялся, взял платье и направился к выходу. Проходя мимо, он бросил:

— Фан Ло, у тебя сердце хищника. Ты не заслуживаешь доброты.

В карете человек в черном подкрался к спящему монаху с ножом.

Снаружи Чжан Хуа, не заботясь о технике, яростно сражался с десятком нападавших. Те использовали железные цепи с крючьями, пытаясь захватить ее. Чжан Хуа, уклоняясь, выплюнула в глаза одному из врагов струю крови. Это была ядовитая кровь самой Фан Дицзи, которую она бережно хранила в бурдюке.

Воспользовавшись замешательством, она ловко перепутала цепи врагов и, прыгнув на них, перерезала горло одному, а затем и остальным.

Монах, не открывая глаз, причмокнул губами. В ту секунду, когда убийца занес нож, короткий клинок вонзился ему прямо в живот. Монах открыл глаза.

За убитым убийцей стоял другой, который выпустил облако ядовитого дыма. Яд на ноже постепенно убивал раненого.

Монах, не двигаясь, улыбнулся. Она чувствовала дыхание еще одного врага, но ей было все равно. Она сжала короткий нож, вынутый из собственного живота. Фан Дицзи была довольна этим клинком — парой к тому, что она всегда носила в сапоге. Пара «Утки-мандаринки».

Эти ножи сделал для нее Фан Ло в те времена, когда все было спокойно. Он использовал самую лучшую сталь и украсил ножны золотым узором, повторяющим знамя лагеря ее матери.

Убийца с мечом, пытаясь разглядеть в темноте силуэт лежащего в карете, нанес удар. Но в тот же миг короткий нож Фан Дицзи вонзился ему в живот.

Ведь тот, кто лежал в карете, вовсе не был Фан Дицзи — это был один из уже убитых убийц. Карета была тесной, и тело врага скрывало истинную цель. Фан Дицзи, одетая в грязную одежду, лежала в темноте, сливаясь с грязью, и оставалась незамеченной.